

— Ну и что, если из-за вина что-нибудь сорвётся? Разве в жизни только одна ночь бывает прекрасной? — Заклинатель, уже потиравший руки в предвкушении, как напьётся вместе с господином Юйанем, вдруг перевёл возбуждённый взгляд на Цзян Тана, стоявшего рядом с Фу Линцзюнем.

Ему, похоже, уже не хватало одного господина Юйаня.

Цзян Тан: чего он на меня смотрит?! Я же не умею пить!

Стоило ему вспомнить все свои прошлые подвиги в пьяном виде, как тут же захотелось найти цель, забиться в неё и вылезти только потом, когда все разойдутся.

Но тут обзор ему заслонили.

Фу Линцзюнь, одетый в алый свадебный наряд, шагнул вперёд на полшага и прикрыл его собой. Вокруг стоял такой шум, но за этими широкими плечами всё будто осталось снаружи. Цзян Тан лишь услышал, как Фу Линцзюнь с улыбкой сказал:

— Давно мы не пили с чжэньжэнем Ци по-настоящему. Сегодня уж точно сделаем так, чтобы все разошлись как следует и уехали довольными!

Увидев, как господин Юйань тут же заслонил собой своего драгоценного спутника Дао, чжэньжэнь Ци не удержался и громко расхохотался:

— Господин Юйань, господин Юйань, а я ведь ещё даже ничего не сказал!

Многие заклинатели, которые были с Фу Линцзюнем в добрых отношениях, тут же принялись подшучивать: мол, обряд поклонения Небу только-только закончился, а господин Юйань уже так бережёт своего спутника Дао. Фу Линцзюнь в ответ лишь улыбался.

Этот пир тянулся очень долго. Под присмотром учеников рода Фу гости постепенно переместились от места, где смотрели обряд поклонения Небу, в павильон Цанхай — пить чай и вино.

Многие близкие между собой заклинатели в обычные дни были слишком заняты делами семьи или секты и редко виделись. Теперь же, воспользовавшись свадебным пиром господина Юйаня, успели обменяться уже не одним кубком.

Сам Фу Линцзюнь, разумеется, не мог отказываться. В Люхэ съехалось слишком много заклинателей. Пусть он уже и прорвался на ступень святого, став одним из знаменитых

даосских святых Люхэ, всё же по возрасту был ещё молод. Старшие, которые были в каких-то отношениях с Фу Юэбаем, один за другим подходили выпить с ним свадебную чарку, и Фу Линцзюнь должен был уделить внимание каждому.

Зато Цзян Тан чудом избежал этой участи. Благодаря защите господина Юйаня рядом с ним оставались лишь знакомые друзья. Они, конечно, не стали бы нарочно ставить его в неудобное положение, и потому он тихо сидел в уголке, глядя на всю эту толпу, и не знал, куда себя деть.

— Хочешь вернуться в Водную Беседку в Облаках? — закончив очередной круг выпивки, Фу Линцзюнь подошёл к нему.

От него едва заметно пахло вином. Он взял Цзян Тана за руку.

Цзян Тан, как человек новый и при этом заботливо оберегаемый, в такой обстановке был совершенно бесполезен. К тому же его и правда уже утомили бесконечно снующие люди, так что он кивнул.

Тогда Фу Линцзюнь бросил взгляд на стоявших поблизости Фу Син и Фу Юэ. Обе давно служили в Водной Беседке в Облаках и, конечно, сразу поняли, что имеет в виду господин Юйань. Очень скоро они вышли вперёд, прикрыли Цзян Тана и повели его наружу.

Фу Юэбай обычно был слаб здоровьем, поэтому госпожа Фу всегда следила, чтобы он не пил. Но сегодня, в такой праздничный день, когда люди один за другим подходили поздравить его чаркой, он всё-таки не удержался и выпил лишнего.

А потом обернулся и встретился взглядом с собственной супругой, явно недовольной увиденным.

— Жена... — на лице Фу Юэбая мелькнула неловкость, но он всё равно изо всех сил делал вид, будто спокоен и невозмутим. — Здесь столько гостей.

Госпожа Фу беспомощно поджала губы и бросила только:

— А я что-то сказала?

После этого развернулась и ушла.

Фу Юэбай, увидев, что жена собралась уходить, тут же бросил Хуай Шоусиня и Шэн Жолиня, которые как раз искали, с кем выпить, и поспешил догонять госпожу Фу.

— Ха-ха-ха-ха, сколько лет я этого не видел? — Фу Нин одной рукой грыз куриную ножку, другой указывал туда, где глава рода, явно проиграв этот раунд, спешил следом за госпожой

Фу, и смеялся так безудержно, что щёки у него заходили ходуном. — Я такое разве что в детстве у них дома видел! И ведь как мне тогда объяснял глава рода? Мол, он не боится, а уважает! Ха-ха-ха! Только повзрослев, я понял, что он правда боится госпожу Фу!

Сидевший рядом с Фу Нином внутренний ученик, попивавший вино, не удержался от поддёвки:

— Как и ты своей матери?

— ...

Фу Нину сразу стало не до смеха.

— Вот умеешь же ты сказать лишнее!

В павильоне Цанхай стояли сплошной смех, шум и веселье.

А тем временем Цзян Тана уже провожали обратно, в сторону Водной Беседки в Облаках.

С ним пошли не только Фу Син и Фу Юэ, но и маленький толстячок Фу Чэнь вместе с одним очень приятным на вид приятелем.

— Братик Тан! — Фу Чэнь, изо всех сил перебирая коротенькими ножками, едва поспевал за взрослыми. Только когда людей вокруг стало поменьше, он протянул руку с бумажным свёртком. — Это тебе! Подарок!

Внутри лежало несколько ароматных, мягких кусочков тангао. Фу Чэнь слышал, что сегодня на церемонии братику Тан будет не до еды. И правда, раньше он видел, что вокруг того всё время толпились люди, а сам он, присев, успел только сделать глоток чая. Потому Фу Чэнь специально завернул для него любимые тангао и принёс в подарок.

Увидев этот подарок, Цзян Тан не удержался и потрепал круглую головку Фу Чэня:

— Спасибо, А-Чэнь! Мне очень нравится!

Кроме него, маленький приятель тоже протянул свой подарок.

Красивые цветы он нёс всё это время, прижимая к груди. Только что ему тоже вздумалось протиснуться поближе посмотреть на веселье, и толпа изрядно его помяла. Букет теперь заметно осел.

— Братик, красиво! — кажется, он немного заикался. Говорил почти так же, как когда-то сам

Цзян Тан: по два слова за раз. Голос у него был молочный, детский. Он высоко поднял букет над головой, а в его коротком пучке на макушке была воткнута бабочка, сплетённая из травы. От этого движения её крылышки дрожали.

Подойдя ближе, Цзян Тан вдруг почувствовал, что лицо этого ребёнка кажется ему смутно знакомым. Кругленькое личико с мягкими детскими щёчками, большие чёрные глаза — с первого взгляда он даже чем-то напоминал Хуай Чэньиня с его детским лицом.

Но, конечно, Цзян Тан прекрасно понимал, что это не может быть Хуай Чэньинь. Гуанлин из мира зеркальных цветов и водяной луны отстоял от реального мира на несколько тысячелетий. Говорили, что сын Хуай Шоусиня лишь немного младше Фу Линцзюня. Сейчас тот ещё даже спутника Дао не встретил, не то что Хуай Чэньиня, который неизвестно где и когда должен родиться.

— Спасибо! — Цзян Тан взял букет. — А как тебя зовут?

— Меня зовут... А-Кэ.

Так, переговариваясь и посмеиваясь, они шли к Водной Беседке в Облаках. За последние дни её украсили так празднично, что глаз не отвести. А чтобы всё выглядело ещё оживлённее, подарки, привезённые сегодня гостями, один за другим относили в кладовые Водной Беседки. Снующие туда-сюда ученики несли их на подносах, застланных красной тканью. Цзян Тан бросил пару взглядов — и у него тут же зарябило в глазах.

Старые заклинательские кланы и школы и правда все до одного были баснословно богаты.

Когда они вернулись в Водную Беседку в Облаках, Фу Чэня и Фу Кэ увели поесть, Фу Син и Фу Юэ остались ждать снаружи, а Цзян Тан остался один, дожидаясь возвращения Фу Линцзюня.

Он ждал Фу Линцзюня уже много раз. В Аньюане. В обитель Десяти Сторон.

Каждый раз, когда Фу Линцзюнь уходил устраивать что-нибудь опасное, Цзян Тан не мог не тревожиться. Боялся, что Цзян Чаньюань заранее узнает о его замысле, что Фу Линцзюнь случайно выдаст себя, а то и вернётся ночью тяжело раненым, схватит его и потащит вместе спастись бегством. Но он понимал, что тревога ничего не изменит, и потому мог лишь изо всех сил держаться и ждать его возвращения.

Наверное, прежде всё было слишком суетным, а сейчас вдруг стало слишком тихо. Цзян Тан часто сидел у окна и смотрел на ту зелёную гору, всю в цветущих деревьях. Но только сегодня в этом ожидании появилась какая-то особая тоска, будто он ясно понимал: мир уже дошёл до своего конца, и теперь ему остаётся лишь ждать и вместе с ним шагнуть к этому пределу.

Очень скоро сумерки сгустились, а по небу разлился закат. Яркие вечерние облака окрасили

нежные цветы на всей горе в пронзительные розово-красные тона. Всё это было так красиво — словно сон, словно иллюзия зеркальных цветов и водяной луны.

Он смотрел и смотрел, пока на душе у него не стало тяжело. Тогда вернулся к постели и лениво лёг.

Небо темнело. Под карнизами один за другим вспыхивали высоко подвешенные красные фонари. Пир ещё не закончился, но Фу Линцзюнь, сам неведомо как, уже вырвался от гостей и размеренным шагом направлялся к спальне.

Фу Син и Фу Юэ всё ещё дежурили у покоев. Увидев его, они тут же с улыбкой поклонились:

— Господин Юйань!

Услышав это, Цзян Тан вмиг подскочил с кровати и в панике принялся поправлять одежду и волосы.

— Спасибо за труд, — Фу Линцзюнь на миг умолк, а потом с лёгкой улыбкой добавил: — Спасибо, что столько лет заботились обо всём.

Он улыбался тепло и близко, но почему-то Фу Син и Фу Юэ вдруг почувствовали, что этот улыбающийся господин Юйань бесконечно далёк.

Так далёк, словно в следующую секунду может исчезнуть из этого мира.

— Господин Юйань, к чему вы это говорите? Это ведь и так наш долг! — Фу Юэ подмигнула Фу Син. — Уже поздно, вам пора отдыхать.

С этими словами она хихикнула, схватила Фу Син за руку, и они убежали.

Фу Линцзюнь ещё немного постоял у двери.

Сегодня, пользуясь этим пышным пиром, он простился с каждым, кто был ему дорог. И только теперь, вернувшись в Водную Беседку в Облаках, где вокруг снова стало тихо, он по-настоящему ощутил, будто всё это было жизнью из далёкого прошлого.

Лишь спустя долгое время он толкнул дверь и вошёл.

На нескольких красных свечах плясали оранжево-алые искры. Свет, проходя сквозь красный шёлковый полог, на котором были вышиты огненные фениксы, падал внутрь и делал сидящий там силуэт смутным, словно в тумане.

Цзян Тан сидел за алым пологом и смотрел, как к нему медленно приближается всполох ярко-красного цвета, пропитанный терпким, пряным ароматом вина.

Он долго думал, но всё же решил, что сидеть на постели и встречать его так ещё неудобнее. Натянув обувь, быстро подошёл к нему.

— Ты вернулся.

Он остановился у кровати и посмотрел на Фу Линцзюня.

Благородный юноша в роскошных одеждах, с серебряной короной и нефритовым поясом, медленно вошёл внутрь, неся за спиной бледный лунный свет. Шаги у него будто немного путались.

Цзян Тан поспешно поддержал его под руку и усадил за стол.

Распахнул окно, налил чаю, потом помахал перед ним рукой, разгоняя винный дух:

— Ну и сколько же ты выпил?

Фу Линцзюнь поднял глаза. Его чуть бледное, но всё равно ослепительно прекрасное лицо было обращено к нему. Длинные ресницы чуть дрожали от дыхания, и он, не моргая, смотрел на юношу, стоявшего совсем близко.

— Я слышал, сегодня было очень весело. Твой отец ещё и твою мать рассердил, да? — приговаривал Цзян Тан, а сам поднёс чашку к его губам.

Тот самый господин Юйань, который только что шёл вполне твёрдо, сейчас и впрямь выглядел пьяным. Очень послушно отпил предложенного чаю.

— Угу, — ответил Фу Линцзюнь. — Мать не разрешает отцу пить.

Цзян Тан сразу представил себе, как Фу Юэбай поймали на тайной выпивке, и не смог сдержать смеха. Раньше он всегда думал, что Фу Юэбай — отец строгий и серьёзный. До того как он попал в мир зеркальных цветов и водяной луны, всё, что он знал о нём, сводилось к короткой сплетне, услышанной в области Цянькунь: «Благородный муж без изъяна, имя которого гремит повсюду; некогда стоял в одном ряду со Святым Владыкой».

Кто бы мог подумать, что столь безупречный благородный муж ещё и по-настоящему боится жены, а вдобавок мыслит так, как простому человеку и не снилось.

Добросовестно напоив Фу Линцзюня целой чашкой чая, Цзян Тан машинально вытер каплю воды с уголка его губ и вдруг заметил, что на бледном лице того уже проступил лёгкий румянец.

Словно на чисто-белой фарфоровой вазе вдруг распустился пион.

— А говоришь так, будто сам не умеешь пьянеть, — тихонько буркнул Цзян Тан.

Фу Линцзюнь моргнул.

— Я не так уж и пьян, — сказал он.

Голос звучал устало, но объяснял он это с такой серьёзностью, будто речь шла о чём-то важном.

Такой Фу Линцзюнь показался Цзян Тану до смешного милым. Он не удержался, обхватил ладонями его покрасневшее от вина лицо и нарочно заговорил тем ласковым тоном, каким дразнят ребёнка:

— Да-да, наш А-Шэн вовсе не пьян.

Впервые Цзян Тан назвал его так — А-Шэн.

Обычно, когда Фу Линцзюнь был в ясном уме, он слишком смущался, чтобы звать его по имени. Но сейчас, пользуясь тем, что тот опьянел, ему вдруг захотелось окликнуть его именно так — по-домашнему, совсем близко.

От Фу Линцзюня пахло вином. Услышав слова «А-Шэн», он будто совсем размяк от этой пьяной неги, и в изгибах его бровей и глаз разлилось бесконечное очарование.

Под этим взглядом Цзян Тану стало неловко. Он потрогал нос и уже хотел сделать шаг назад.

— Уже темно, надо закрыть окно...

Но отступить он не успел. Тонкое запястье вдруг крепко сжали. Рывок — и он уже сидел у Фу Линцзюня на коленях, вынужденный запрокинуть голову и посмотреть на него.

В этих глазах отражалось пламя свечи.

И он.

А потом Фу Линцзюнь медленно наклонился ближе, и на его губы опустился поцелуй — чуть грубоватый, горячий от вина.

<http://bllate.org/book/17032/1723212>